

это делает любовь к мудрости: кто желает
обрести мудрость, тот получает ее силой
любви. Это не есть, как некоторые думают,
трудная и тяжелая работа. Если твоя любовь
подлинна и ты ищешь подлинной мудрости,
ты станешь истинным философом. Но только
очищенные и набожные души могут по-
нимать и любить эту подлинную мудрость.

Вот откуда происходит поговорка: мудрость
это набожность. За презрение к этим сло-
вам или незнание их ваши философы, как
только что говорил о теологах, придут лишь
к вербальной и пустой диалектике».

Сам Петрарка рассуждает здесь не как диалектик, а как оратор. Вспомним, однако, что
успех его произведений был огромен, и зададимся вопросом, какие темы они затрагивали,
давая им широкое хождение. Мы

найдем там запас идей, который итальянская литература будет до пресыщения
эксплуатировать на протяжении двух последующих веков. Восстановить во всей полноте
культуру отцов Церкви, то есть классические исследования, которыми Церковь обязана
Августину, Амвросию, Иерониму и многим другим; вернуть диалектике ее истинное
место среди свободных искусств; остерегаться того, чтобы забвение отцов Церкви
оставило свободное пространство аверроизму и безбожия, которое из него следует;
убедить теологов в том, что, сводя свою науку к диалектике, они разрушают ее как
мудрость; при необходимости напомнить им, что, если они желают иметь философию, то
это должна быть философия не Аристотеля, которую рекомендовал Августин, а Платона:
и кто, кстати, когда-либо мечтал отказать ей в первенстве, «*nisi insanum et clamor-
um scholasticorum vulgus*»? Пусть люди послушают Платона, когда он говорит о Боге и о
бессмертии души, и они почти не услышат «*quasi philosophum loquentem, sed
apostolum*»**. Отвернемся же от теологии, которая говорит не только не красноречиво, но
даже «*neglectis principibus eloquii*»***, чтобы не сказать ничего, и обратимся к вере, к
простому благочестию, к заботе о движении к мудрости: «*Pietas est sapientia*»****. Сотни
раз повторяемые Петраркой с присущим ему талантом, эти идеи не могли не
распространиться повсюду, где новые теологи еще наталкивались на некоторое
сопротивление и не могли не подготовить открытого восстания, которое вскоре должно
было произойти. Для него уже все было готово: ни в чем не было недостатка, даже в
программе. То, что сам Петрарка не видел необходимости в ее изобретении, вполне
естественно: ему оставалось только воспользоваться. Когда его спросили, что должен знать